

Понятие циклических нормативных массивов в праве

С. Р. Хачиров

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: sarmatkhachirov15@gmail.com

The Concept of Cyclic Normative Arrays in Law

S. R. Khachirov

PhD student of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law
Under the Government of the Russian Federation,
34 B.Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: sarmatkhachirov15@gmail.com

Поступила 03.10.2025 Принята к печати 05.10.2025

Аннотация

Статья продолжает цикл статей автора, посвященных доктринальному освоению относительно нового для российской системы права явления – циклических нормативных массивов. В ней решается научная задача определения понятия этих массивов. Актуальность решения данной задачи объясняется развитием в системе права нетипичных нормативных массивов, получивших название «циклические», практической потребностью в их систематизации и повышенным интересом правоведов к данному правовому явлению. Для достижения намеченной автором цели в структуре определяемого понятия выделены объем и содержание. При определении объема в качестве базового концепта, предопределяющего класс правовых явлений, которые мыслятся в данном понятии, выражающего родовой признак данного феномена избран элемент системы права – группа связанных юридических норм, нормативный массив. Содержание понятия циклических нормативных массивов в праве представлено совокупностью существенных и специфических признаков этого явления, необходимых и достаточных для того, чтобы отличить рассматриваемые массивы от других нормативных образований в праве. В статье выделены субстанциональные, процессуальные, функциональные свойства, отражающие специфику циклических нормативных массивов. Сфокусировано внимание на таких чертах, как разнородность общественных отношений, регулируемых циклическими нормативными массивами в праве, существование в структуре этих массивов ядра и периферии, генезис этих массивов, а также их нетипичности среди других элементов системы права. Результатом проведенного научного поиска стало предложенное автором определение понятия рассматриваемого явления, в котором изучаемый фрагмент государственно-правовой действительности отражен упрощенно и схематизировано. Выявленные признаки циклических нормативных массивов в праве отражены в нем посредством формирования теоретической абстракции, что позволило избежать излишней громоздкости предложенного определения.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, генезис циклических нормативных массивов в праве, информационное законодательство, нетипичные нормативные массивы в праве, оборот цифровых финансовых активов и цифровых валют, право устойчивого развития, признаки циклических нормативных массивов в праве, свойства циклических нормативных массивов в праве, система права, структура права, циклические нормативные массивы в праве.

Abstract

The article continues the author's series of articles devoted to the doctrinal development of a relatively new phenomenon for the Russian legal system – cyclical normative arrays. It solves the scientific problem of defining the concept of these arrays. The urgency of solving this problem is explained by the development of atypical normative arrays in the legal system, called "cyclical", the practical need for their systematization and the

increased interest of legal scholars in this legal phenomenon. In order to achieve the goal set by the author, the volume and content are highlighted in the structure of the defined concept. When determining the scope, an element of the legal system is chosen as the basic concept that determines the class of legal phenomena that are thought of in this concept, expressing the generic feature of this phenomenon – a group of related legal norms, a normative array. The content of the concept of cyclic normative arrays in law is represented by a set of essential and specific features of this phenomenon, necessary and sufficient to distinguish the arrays in question from other normative formations in law. The article highlights the substantial, procedural, and functional properties reflecting the specifics of cyclic normative arrays. Attention is focused on such features as the heterogeneity of social relations regulated by cyclical normative arrays in law, the existence of a core and periphery in the structure of these arrays, the genesis of these arrays, as well as their atypical nature among other elements of the legal system. The result of the scientific search was the definition proposed by the author of the concept of the phenomenon in question, in which the studied fragment of state-legal reality is reflected in a simplified and schematized manner. The identified features of cyclical normative arrays in law are reflected in it through the formation of a theoretical abstraction, which made it possible to avoid the excessive cumbersomeness of the proposed definition.

Keywords: anti-corruption legislation, genesis of cyclical regulatory arrays in law, information legislation, atypical regulatory arrays in law, turnover of digital financial assets and digital currencies, law of sustainable development, signs of cyclical regulatory arrays in law, properties of cyclical regulatory arrays in law, legal system, legal structure, cyclical regulatory arrays in law.

Формирование понятий, образующих понятийно-категориальный аппарат науки, является специфическим видом исследовательской деятельности. Это, однако, не означает ее автономного статуса и бытия. В современной науке, в том числе в теории государств и права, разработка понятий и категорий, как деятельность или процесс, переплетены с другими видами научной деятельности (выявление закономерностей, типология и прогнозирование развития явлений государственно-правовой действительности и др.), которые в диалектическом единстве позволяют этой науке осваивать свой предмет и реализовывать исследовательские программы, нацеленные на изучение его отдельных фрагментов. Определение понятия циклических нормативных массивов в праве представляет собой одну из задач настоящего исследования, решение которой предусмотрено намеченной автором программой доктринального освоения заявленной темы.

Важным исходным рубежом при этом является отнесение рассматриваемых нормативных массивов к классу явлений, а не их свойств, которые самостоятельно от явления не существуют. Данное замечание сделано в связи с зафиксированными правоведами случаями отражения в формируемом исследователями теоретическом знании того или иного свойства явления как самостоятельного феномена, что является методологической ошибкой [2. – С. 18; 4. – С. 110].

Известно, что понятие – это мысль о предмете, его существенных и отличительных свойствах

[2. – С. 18], которая обретает свою полную и относительно законченную форму в процессе развития определений¹. Выполнение с понятием «циклические нормативные массивы» такой логической операции, как определение, предполагает выделение объема и содержания в его структуре². Для определения его объема важное значение имеет избрание базового концепта, предопределяющего класс правовых явлений, которые мыслятся в данном понятии, и выражавшего родовой признак данного феномена. В процессе характеристики опыта концептуализации эмпирического знания о циклических нормативных массивах в праве, представленного в одной из предыдущих публикаций автора [37], были показаны существующие точки зрения правоведов на проблему выявления родовой принадлежности (родового признака) циклических нормативных массивов в праве. Из всего спектра базовых концептов, примененных исследователями к теоретическому описанию изучаемого явления, в качестве родового признака можно выделить: элементы системы права (совокупности юридических норм, «нормативный массив»); систему правового регулирования; этапы развития фрагментов правовой системы; юридические конструкции. Анализ соответствующих точек зрения, результаты которого также были представ-

¹ Малахов В.П. Формальная логика. Учебник. М.: Академический Проспект, 2020. С. 21, 34-35.

² Там же. – С. 22.

лены в упомянутой статье автора, их сопоставление с данными эмпирических наблюдений, обнаруживших рассматриваемое явление, дают основания отнести его к классу (в значении, вкладываемом в это понятие в формальной логике) элементов системы права – группам связанных юридических норм, нормативным массивам (выделенным в результате мыслительных операций или юридико-технического обоснования в кодифицированных и других источниках права), в совокупности образующим позитивное право. Выбор в пользу этого базового концепта и родового признака, по мнению автора, очевиден и не требует развернутой аргументации, так как исследуемый правовой феномен, во-первых, был обнаружен среди других нормативных массивов в праве в процессе их развития и функционирования, зафиксирован в эмпирических исследованиях и презентован в теоретической схеме именно в этом качестве; во-вторых, его правильность и обоснованность подтверждается результатами сравнения с другими нормативными массивами – элементами системы права, установившими сходство с ними правовых массивов, именуемых циклическими, в том числе свойств, имманентных явлениям, ставшими объектами для сравнения; в-третьих, отнесение циклических нормативных массивов в праве к числу элементов системы права объясняется выводами, сделанными в итоге сравнения изучаемых массивов и их свойств с такими объектами (и их свойствами) как система правового регулирования, этапы развития фрагментов правовой системы, юридические конструкции. Сравнение показало отсутствие общих свойств у объектов, подвергнутых сравнению, что не дает оснований соотносить их как «род» и «вид».

Данный вывод подтверждается также результатами выделения отдельных сторон и элементов циклических нормативных массивов в праве и соотнесения их, соответственно, с системой правового регулирования, этапами развития фрагментов правовой системы, юридическими конструкциями. На этих основаниях объем формируемого понятия циклических нормативных массивов в праве в рамках настоящего исследования ограничен избранным автором базовым концептом.

Содержание понятия циклических нормативных массивов в праве образует совокупность существенных и специфических признаков этого явления, необходимых и достаточных для того,

чтобы отличить рассматриваемые массивы от других нормативных образований в праве. Некоторые такие признаки уже обозначены правоведами посредством сравнения циклических нормативных массивов в праве с отраслями, подотраслями, институтами права, комплексными правовыми образованиями [33; 34]. В числе отличительных признаков интересующего нас феномена, в частности, названы следующие черты (свойства).

Во-первых, первичным элементом этих массивов являются «кросс-отраслевые» юридические нормы, имеющие экстравертный характер, создающие в системе права специфические связи и занимающие в ней особое место.

Во-вторых, в своем развитии циклические нормативные массивы не «стремятся» к обоснованию по сценарию формирования отраслей, подотраслей или институтов права, не демонстрируют воспроизведения механизмов их образования, а напротив, проявляют такое свойство, как способность проникать в них, детерминировать их содержание, функционирование, определять векторы и темпы модернизации¹. При этом «имплантируемые» в них кросс-отраслевые нормы не сливаются с предписаниями и структурами «принимающей» отрасли, хотя и дополнительно наполняют ее. Не воспроизводится при формировании циклических нормативных массивов в праве и механизм генезиса комплексных правовых образований, которые используют юридические нормы из основных (базовых) отраслей права. Образование рассматриваемых массивов в корне отличается от него. Циклические правовые массивы внедряются в уже сформировавшиеся правовые образования, прогрессируют в них, обусловливают их последующую динамику.

Некоторые исследователи утверждают, что циклические нормативные массивы по мере преодоления определенного рубежа собственного роста способны разрушить «материнскую» среду

¹ Разделяя и поддерживая взгляды Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора, М. В. Залоило отметил, что эти массивы создаются и развиваются не автономно от правового развития в иных сферах, а вторгаются в действующие элементы права и детерминируют их содержание. Тем самым автор иносказательно фиксирует свойство циклических нормативных массивов в праве, отмеченное Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногором. Он развивает их идею, однако не расширяет состав выявленных особенностей рассматриваемого явления [11. – С. 35].

и дать начало процессам генерации новых структур в системе права [33. – С. 14]. Однако к настоящему времени убедительных эмпирических данных, подтверждающих данное свойство этих массивов, нет. По этой причине приведенное утверждение о существовании такой специфической особенности циклических нормативных массивов в праве следует рассматривать, скорее, как предположение, прогнозируемую черту, свойство этого феномена, которое, возможно, найдет свое подтверждение в будущем.

В-третьих, еще одна способность, которую исследователи относят к числу специфических свойств циклических нормативных массивов, состоит в их возможности (потенциале) перенастраивать позитивное право на достижение определенных социально и государственно значимых целей, решение соответствующих им задач и удовлетворение общественных потребностей, вызвавших к жизни «кросс-отраслевые» юридические нормы, выступающие «вершиной» в создании циклических соединений в праве [33].

«Хрестоматийным» примером нормативных массивов в праве, демонстрирующих эти свойства, является антикоррупционное законодательство [32; 35; 1] (нормы антикоррупционной направленности, связанные между собой таким образом, как это представлено в теоретической схеме, отражающей специфику бытия циклических нормативных массивов в праве), развитие которого в настоящее время «во многом определяет динамику других отраслей права, даже подчиняет задачи их обновления целям собственной эволюции» [33].

Оригинальный состав специфических свойств циклических нормативных массивов в праве представлен Д. А. Абдиевой. Эти свойства она фиксирует в разных фрагментах своего исследования: 1) при описании того, что представляет собой циклические правовые массивы (термин, используемый Д. А. Абдиевой) вообще; 2) в процессе выделения общих особенностей ряда «относительно новых отраслей законодательства», которые с точки зрения упомянутого правоведа можно отнести к циклическим правовым массивам; 3) при характеристике некоторых нормативных массивов, которые исследователь идентифицирует как циклические (антикоррупционное и информационное законодательство, право устойчивого развития, нормативная основа (в терминологии Д. А. Абдиевой – правовое регули-

рование) оборота цифровых финансовых активов и цифровых валют).

В первом случае к числу специфических свойств циклических нормативных массивов в праве отнесены следующие черты:

- исследуемые массивы «представляют собой определенные этапы развития фрагментов правовой системы, на каждом из которыхрабатываются новые правила и нормы, отражающие изменяющуюся социальную реальность»;

- они проходят через циклические фазы развития – от возникновения нового общественного отношения и его первичного законодательного регулирования до формирования специализированных нормативных актов и создания отдельных отраслей права;

- основной движущей силой таких преобразований являются научно-технический прогресс, социально-экономическая трансформация и культурные сдвиги в обществе, примером которых служат цифровизация экономики, развитие информационных технологий, переход к устойчивым формам развития, обуславливающие появление новых сфер жизни общества, требующих правового регулирования;

- они позволяют правовой системе эффективно адаптироваться к быстро меняющимся социальным, технологическим и экологическим условиям, реагировать, в том числе превентивно, на текущие вызовы и возможные риски, порождаемые ускорением технологического прогресса, с целью обеспечения стабильности институциональной системы общественных отношений [1. – С. 70–71, 75].

Во втором случае – фрагменте, в котором выделены общие особенности ряда относительно новых отраслей законодательства, Д. А. Абдиева указала на то, что они появляются на стыке уже существующих отраслей, являются продуктом правового прогнозирования и моделирования развития общественных отношений, а разработка юридических норм, включаемых в циклический правовой массив, во-первых, требует междисциплинарного подхода, т. е. комплексного использования научных достижений в различных областях: юриспруденции, экономике, социологии, и во-вторых, учета международно-правовых требований и зарубежного законодательного опыта [1. – С. 71].

В третьем сюжете, поочередно характеризуя специфику антикоррупционного и информационного законодательства, права устойчивого разви-

тия, правового регулирования оборота цифровых финансовых активов и цифровых валют, Д. А. Абдиева называет следующие черты, которые дают, по ее мнению, основания для отнесения этих массивов к числу циклических.

Антикоррупционное законодательство, как констатирует исследователь, обладает всеми признаками циклического правового массива, такими как наличие базового закона, единая цель правового регулирования, «проявляющаяся, в зависимости от задачи, в иных правовых отраслях» [1. – С. 71].

Информационное законодательство под этим углом зрения:

- представляет собой совокупность юридических норм, регулирующих информационные отношения в обществе;
- охватывает широкий круг вопросов, связанных с созданием, обработкой, хранением, передачей и защитой информации;
- проходит ключевые этапы в своем развитии и адаптации к новым социальным и технологическим реалиям (предцифровой, цифровой трансформации, становлению цифровых прав и свобод, адаптации к новым технологиям) [1. – С. 73–74].

Право устойчивого развития¹ Д. А. Абдиева характеризует в качестве примера циклического правового массива посредством указания на следующие свойства:

- нацеленность этого массива на создание баланса между ускоренным технологическим прогрессом и необходимостью сохранения окружающего мира, пригодного для жизни будущих поколений, гармонизацию развития технологий, обеспечение экологической безопасности и оптимального сочетания экономической эффективности и социальной справедливости;

¹ Д. А. Абдиева определяет право устойчивого развития как зарождающийся в условиях нового технологического уклада циклический правовой массив, который представляет собой «инновационную область правовой науки и практики, обусловленную необходимостью ответа на вызовы и проблемы, порождаемые быстрыми технологическими изменениями, экологическими кризисами и социально-экономическим дисбалансом» [1. – С. 74]. Данный тезис, на наш взгляд, уязвим для критики, т. к. нормативный массив, выполняющий функции права (регулятивную, охранительную и др.), определяется как область научного знания, в силу своей природы имеющего другое предназначение и функционал.

– инкорпорированность в нем принципов и отдельных институтов гражданского, инвестиционного, финансового, банковского, трудового, корпоративного, международного частного права и других отраслей;

– его сложность и комплексность, обуславливающие потребность в формировании нового «мультизаниевого ядра»²;

– цикличность, предполагающая непрерывное обновление и адаптацию правовой базы к новым вызовам и условиям, обусловленным технологическим прогрессом и изменениями в социально-экономических системах;

– кросс-отраслевой характер и междисциплинарность нормативного содержания (нормы права устойчивого развития в условиях становления шестого технологического уклада выделяются из различных отраслей права, а его принципы и нормы основываются на знаниях и методах не только юридической науки, но и экологии, экономики, социологии, обеспечивая комплексный подход к решению проблем развития человечества в XXI в.);

– превентивность и риск-ориентированный подход, выраженные в нацеленности норм права устойчивого развития на предотвращение негативных последствий, минимизацию рисков развития экономики и технологий для окружающей среды, а также общества;

– диалектичность глобального и регионального, которая проявляется в детализации права устойчивого развития в национальных юрисдикциях под влиянием международного права и потребности унификации и гармонизации регулирования общественных отношений, обращающих его предмет;

– краудсорсинг, выражающий зависимость эффективности формирования и действия права устойчивого развития от степени участия гражданского общества;

– специфичный правовой инструментарий, необходимый для прогрессивной институциализации права устойчивого развития [1. – С. 74–76].

Нормативный массив, обеспечивающий правовое регулирование общественных отношений, связанных с оборотом цифровых финансовых

² Эту характерную для права устойчивого развития черту Д. А. Абдиева выделяет со ссылкой на статью М. В. Мажориной «Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология» (см.: [15. – С. 117–126]).

активов и цифровых валют, по мнению Д. А. Абдиевой, демонстрирует следующие свойства циклических правовых массивов:

— в нем имеется базовый закон (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹), содержащий кросс-отраслевые нормы. Закон является фундаментом для формирования «циклической модели правового регулирования», подразумевающей «постоянную рефлексию и адаптацию к изменяющимся условиям технологического и экономического ландшафтов». Кроме прочего он предусматривает внесение изменений в отдельные законодательные акты и детализацию в них норм кросс-отраслевых норм с учетом специфики регулируемых этими актами общественных отношений;

— этот массив «демонстрирует гибкость и адаптивность правовой системы к технологическим инновациям», отражает «потребность в постоянной актуализации правового регулирования в ответ на появление новых технологий и меняющиеся экономические условия, а также важность создания устойчивых и безопасных условий как для развития инновационных финансовых технологий, так и для защиты интересов участников рынка и общества в целом» [1. – С. 72].

Анализ взглядов Д. А. Абдиевой, раскрывающих особенности циклических нормативных массивов в праве, во-первых, обнаруживает подмену объекта – явления, свойства которого правовед фиксирует и характеризует. Не трудно заметить, что в приведенных теоретических построениях в одних случаях автор пишет о циклических правовых массивах как об этапах развития фрагментов правовой системы, об инновационной области правовой науки и практики, в других – о совокупности юридических норм, регулирующих общественные отношения, системе правового регулирования. Очевидно, что при настолько радикально меняющемся видении природы и сущности изучаемого феномена едва ли возможно выделить его специфические признаки, которые в равной мере отражали бы свойства столь разных явлений – этапов развития

фрагментов правовой системы (которые не имеют материального воплощения, а являются идеальной моделью), инновационной области правовой науки и практики, совокупности юридических норм, регулирующих общественные отношения. Нет необходимости доказывать, что каждый из этих объектов научного осмысления обладает собственными свойствами, не тождественными свойствам других упомянутых феноменов.

Во-вторых, изучение выводов Д. А. Абдиевой позволяет констатировать отсутствие необходимой для теоретического знания корреляции между составом свойств циклических нормативных массивов в праве, выделенных исследователем при презентации изучаемого явления на уровнях общетеоретической абстракции и характеристики конкретной совокупности юридических норм (антикоррупционного, информационного законодательства и др.). Например, такие свойства права устойчивого развития, как сложность и комплексность, инкорпорированность в нем принципов и институтов различных отраслей права, превентивность его действия и риск-ориентированный подход, диалектичность глобального и регионального, краудсорсинг, не нашли отражение в теоретической конструкции циклических нормативных массивов в праве, предложенной Д. А. Абдиевой. Вместе с тем такой включенный в эту конструкцию признак, как движение рассматриваемых массивов через циклические фазы развития, не упомянут и не конкретизирован в характеристике антикоррупционного и информационного законодательства.

В-третьих, проверка теоретических выводов Д. А. Абдиевой показала, что большинство из заявленных ею признаков циклических нормативных массивов в праве не отражает специфику этого явления настолько, чтобы безошибочно выделить их среди других объектов правовой действительности. Эти признаки могут быть отнесены к числу родовых для элементов системы права, в равной мере и с одинаковым успехом отражающих родовые особенности отраслей, подотраслей, институтов права. Вместе с тем их, очевидно, недостаточно для того, чтобы раскрыть индивидуальные особенности циклических нормативных массивов в праве.

Следует обратить внимание на тот факт, что сопоставление утверждений правоведа с теоретическими положениями, выражающими специфику циклических нормативных массивов в праве, разработанными Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Чер-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (Ч. I). – Ст. 5018.

ногором (на которые Д. А. Абдиева опирается в своих научных изысканиях), выявляет неустранимое противоречие между ними и отдельными тезисами Д. А. Абдиевой. Например, ее заявление о том, что циклические правовые массивы «проходят через циклические фазы развития – от возникновения нового общественного отношения и его первичного законодательного регулирования до формирования специализированных нормативных актов и создания *отдельных отраслей права* (выделено мной – С.Х.)», опровергает тезис Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора о том, что характеризуемые массивы в своем развитии «не обнаруживают тенденции к обоснованию подобно отраслям или институтам права, а, напротив, демонстрируют способность к сквозному пронизыванию всех или большинства элементов системы права, внедрению в устоявшиеся ее элементы, особому взаимодействию с ними, детерминации их содержания, функционирования, а также вектора и темпов дальнейших трансформаций» [34. – С. 90]. Для оценки справедливости утверждения Д. А. Абдиевой требуется осмыслить аргументацию сделанного ею вывода, которой в ее публикациях обнаружить не удалось. Приведенный тезис этого ученого представляется весьма дискуссионным, уязвимым для критики. Он исключает один из существенных признаков циклических нормативных массивов в праве в теоретической конструкции, отражающей существенные свойства этого явления.

Наконец, в-четвертых, Д. А. Абдиева необоснованно, на наш взгляд, относит к свойствам рассматриваемого явления материальные и интеллектуальные источники его возникновения, а также факторы его развития¹.

Анализ описанных в специальных исследованиях свойств (признаков) циклических норматив-

ных массивов в праве, приводит к выводу, что эти свойства (признаки) отражают разные стороны рассматриваемого феномена. Их можно дифференцировать на три группы:

1) субстанциональные свойства, отражающие специфику циклических нормативных массивов как совокупности связанных юридических норм, ее структуры и образующих ее элементов;

2) «процессуальные»² свойства, обеспечивающие формирование и развитие циклических нормативных массивов. В них проявляется механизм возникновения и позитивной количественной и качественной динамики этих массивов;

3) функциональные свойства (признаки), происходящие из особенностей связей циклических нормативных массивов с другими элементами системы права, роли этих массивов в динамике как других правовых образований, так и системы права в целом, а также в интеграции и дифференциации его содержания и элементного состава [37. – С. 354–367].

Поддерживая приведенные выводы правоведов, обратим внимание еще на два существенных свойства циклических нормативных массивов в праве, выделение которых в качестве признаков этого явления в его теоретической идеализации является, по сути, конкретизацией приведенных выше научных положений, разработанных Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногором. При доктринальной характеристике изучаемого явления представляется существенным указание на разнородность общественных отношений, регулируемых циклическими нормативными массивами в праве³, а также на существование в структуре этих массивов ядра и периферии: имеется в виду отнесение кросс-отраслевых норм, образующих вершину циклического соединения в праве, к ядру, а юридических норм, появившихся в различных элементах системы права под влиянием развития соответствующего циклического правового массива, – к периферии.

¹ Например, Д. А. Абдиева указала, что «основной движущей силой возникновения и развития рассматриваемых массивов выступают научно-технический прогресс, социально-экономическая трансформация и культурные сдвиги в обществе (цифровизация экономики, развитие информационных технологий, переход к устойчивым формам развития, которые приводят к появлению новых сфер жизни общества, требующих правового регулирования) ... Они появляются на стыке уже существующих отраслей законодательства ... являются продуктом правового прогнозирования и моделирования развития общественных отношений ..., а эффективность формирования и действия зависит от степени участия гражданского общества в формировании этих массивов» (см.: [1. – С. 71]).

² Термин «процессуальный» в данном случае используется в философском значении – как характеристика процесса, становления и изменений.

³ Это свойство существенно отличает рассматриваемые массивы от отраслей, подотраслей и институтов права, которые регулируют однородные общественные отношения, что традиционно считается одной из важнейших характеристик этих элементов системы права (см., например: [25. – С. 171–199; 20. – С. 68–75].

Если специфические черты циклических нормативных массивов в праве отчетливо просматриваются в сравнении с основными отраслями российского права, то их сопоставление с комплексными правовыми образованиями¹ обнаруживает риски необоснованного перенесения на последние в их теоретических идеализациях (схематизациях) черт исследуемых в настоящей работе массивов. Возможные заблуждения и необоснованность экстраполяции теоретических описаний свойств (признаков) циклических нормативных массивов в праве на схожие с ними при первом приближении элементы системы права убедительно показаны правоведами, проводившими анализ экологического права на предмет наличия у него свойств (признаков) циклических нормативных массивов [33. – С. 12 – 13].

Следует обратить внимание на то, что авторы и adeptы концепции циклических нормативных массивов по-разному описывают процесс их возникновения. Так, Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор представляют его в виде следующей схемы:

1) появляются юридические нормы, нацеленные на удовлетворение общественных потребностей, состоящих в числе приоритетов общественного или государственного развития, деятельности органов публичной власти (этому может предшествовать формирование устойчивой практики применения юридических норм в процессе казуального регулирования приоритетных общественных отношений, рассчитанного также на схожие с ними или близкие к ним отношения, с помощью их толкования, а также в процессе применения аналогии закона);

2) они интегрируются в уже сложившиеся нормативные комплексы (отрасли, институты права);

3) «прививка» такого рода предопределяет направление развития нормативных комплексов, вплоть до существенных изменений их содержания;

4) возникает новый элемент системы права (циклический нормативный массив);

5) происходит перенастройка позитивного права на решение задач и удовлетворение общественных потребностей, обусловивших возникновение соответствующего регулирования [34. – С. 90–91].

В приведенной схеме обращает на себя внимание, во-первых, заведомо заданная специфика юридических норм, формирующих циклический нормативный массив в праве. Они, по утверждению разработчиков данной модели, априори носят кросс-отраслевой и экстравертный характер, это свойство им имманентно.

Ретроспективный анализ практики становления известных циклических нормативных массивов в праве дает основания как для его апологии, так и для критики. В числе поводов для сомнений в состоятельности данного утверждения укажем тот факт, что юридические нормы едва ли создаются заведомо снабженными указанными свойствами. Эти свойства они, скорее, приобретают в процессе развертывания правового регулирования общественных отношений, ради упорядочения которых соответствующие нормы приняты. К тому же не трудно заметить линейность этого процесса и жестко установленную последовательность выделенных этапов (в свое время формационный подход классиков исторического материализма и типология государства и права, созданная на его основе, подвергалась критике, в том числе за аналогичные черты²). Такая категоричность в схематизации процесса «циклизации» в праве в условиях относительно незначительных эмпирических данных и ограниченного количества опыта освоения данного предмета научного познания, послужила поводом для сомнений в истинности рассматриваемого утверждения. Известно, что правовая реальность во всем многообразии своих проявлений гораздо богаче, чем теоретические построения, в которых она репрезентована. В то же время специфика теоретического знания состоит в схематизации отражаемого в нем мира, обобщении и абстрагировании от единичного, несущественного [26]. К этому стоит добавить, что до настоящего времени ни опыт развития системы права, ни ученыe в своих изысканиях не опровергли выводов Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора.

Из рассматриваемой теоретической схемы следует, что возможен только один способ возникновения циклических нормативных массивов – он изначально возникает как таковой. Вместе с тем некоторые ученые-юристы считают, что свойства циклического нормативного массива

¹ О комплексных правовых образованиях подробнее см. [22; 24].

² См., например: Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – М. : Юрист, 1996. С. 285–300.

могут быть «приобретены», например, отраслью права в процессе развития и трансформации. В частности, А. А. Головина, анализируя новации механизмов правореализации в современном электоральном процессе в условиях развития цифровых технологий, пришла к выводу, что произошло превращение в циклический правовой массив информационного права, «роль которого уже далеко переросла статус отрасли права» [7]. Д. А. Абдиева при характеристике права устойчивого развития как циклического нормативного массива указала на его происхождение путем «детализации» из экологического права [1. – С. 75]¹.

Это другие – оригинальные и вместе с тем альтернативные характеристики процесса возникновения циклических нормативных массивов в праве, которые, впрочем, могут рассматриваться не как конкурирующие, а как дополняющие теоретические выкладки Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногоры. Сопоставление выводов А. А. Головиной и Д. А. Абдиевой с научными положениями, разработанными Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногором, дает основания для выделения трех способов появления циклических нормативных массивов в праве, включая возникновение таких массивов посредством определенного типа функционирования некоторого количества вновь принятых норм позитивного права (как, например, антипандемийное законодательство), путем трансформации сложившихся элементов системы права (их перехода в новое качественное состояние, например, информационное право), а также посредством выделения нормативного массива из сложившегося правового образования (например, право устойчивого развития).

Определяя специфические черты циклических нормативных массивов в праве, практически все

исследователи отмечают их нетипичность среди других элементов системы права. При этом правоведы чаще всего ограничиваются простой констатацией факта существования этого свойства без дополнительных пояснений, что обуславливает необходимость остановиться на проблеме типичного и нетипичного в праве, а также особенностях ее преломления в доктринальной характеристике рассматриваемого явления.

В современной юридической науке упоминание нетипичных явлений довольно распространено. Различным нетипичным правовым явлениям уделяли внимание как представители теории государства и права, так и специалисты в области отраслевых юридических наук, а также науки международного права². В исследованиях представлено разное видение нетипичности как свойства изучаемых явлений. В некоторых работах авторы не поясняют, почему они считают одни явления типичными, а другие нет. В то же время, несмотря на наличие отдельных теоретических и отраслевых разработок проблематики частных нетипичных правовых феноменов, не сложилось теоретических обобщений и универсального для юридической науки, имея в виду ее отраслевую дифференциацию, понимания нетипичности как основного свойства указанных явлений. В теории права и государства отсутствуют достаточные результаты генерализации знания о нетипичных юридических явлениях в целом [2. – С. 22].

В стремлении восполнить этот пробел в научном знании В. П. Васильев предпринял успешную, на наш взгляд, попытку разработать обще-теоретическое представление о нетипичных явлениях в праве и нетипичности как свойстве правовых явлений [3]. Предложенные им научные положения имеют значительную инструментальную ценность для характеристики нетипичности циклических нормативных массивов в праве. Они создают своего рода исследовательскую программу, включающую следующие компоненты: основополагающие утверждения о специфике нетипичных явлений в праве и нетипичности правовых явлений; формулирование исследовательских задач, последовательность их постановки и решения; ориентиры для верификации полученного предметного научного знания.

¹ Следует обратить внимание на два обстоятельства в рассуждениях Д. А. Абдиевой. Во-первых, она именует право устойчивого развития «нетипичным циклическим правовым массивом», в связи с чем можно предположить, что исследователь выделяет этот массив в особый вид циклических нормативных массивов в праве – «нетипичный» (вероятно, наряду с «типичными» циклическими правовыми массивами). Во-вторых, автор, по сути, называет способ происхождения этого массива, именуя его «детализацией из экологического права». Однако в дальнейшем ученый никак не комментирует эти утверждения и не развивает их, в том числе и в своих последующих работах (см., например: Абдиева Д. А. Систематизация законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2024).

² См., например: [6; 8; 10; 12; 13; 14; 17; 19; 21; 23; 28; 29; 30].

Реализация этой программы предполагает, во-первых, принятие в качестве одного из исходных рубежей определения природы нетипичных явлений в праве как генетически производных от типичных феноменов и, во-вторых, последовательное сопоставление и противопоставление свойств рассматриваемых феноменов со свойствами типичных явлений, установление их отношения (соотношения).

Выявление нетипичных явлений в праве, практика фиксации фактов их обнаружения опирается на опыт концептуализации существования в юридической действительности¹ типичных феноменов, относимых исследователями к типу, включающему установление понимания типа юридических явлений и определение типичных юридических явлений. При выявлении типичности явления устанавливается его отношение к определенному типу явлений, которое выражается в сочетании индивидуальных черт с присущими им признаками и свойствами, характерными для некоторой совокупности явлений [8. – С. 25]. Соответственно, для признания у какого-либо явления признака нетипичности оно должно обладать чертами, нехарактерными для подобного рода явлений и процессов. В этой связи необходимо обязательно определение параметров соответствующего объекта исследования при его отнесении к разряду нетипичных [18. – С. 130]. Определение какого-либо феномена в качестве нетипичного возможно только по отношению к определенной системе координат [8. – С. 25].

Справочные издания определяют категорию «тип» как некоторый образец, своеобразную модель, форму, которым соответствует группа каких-либо явлений², разновидность явления, которое вместе с другими подобными составляет группу³. Обращает на себя внимание, что понятие «тип» может использоваться в двух взаимосвязанных, но все же различных значениях: как идеальная модель и как реально существующее множество явлений. Ярким примером служит типология государств, предполагающая формирование представления о типе государства вообще,

создание его базовой модели и характеристику конкретных государств посредством соотнесения (сопоставления и противопоставления) их свойств с тем или иным типом [2. – С. 23].

Опираясь на приведенные значения категории «тип», В. П. Васильев определил тип правовых явлений в идеальном и реальном смыслах: в идеальном смысле – как «модель признаков множества явлений сферы правовой реальности, сформированную посредством выделения их наиболее существенных и устойчивых свойств, а в реальном – как совокупность явлений, выделяемых с использованием критерия обладания/необладания наиболее значимыми и существенными свойствами, в рамках более широкого множества однородных феноменов». По его мнению, термин «типичный» уместно употреблять в таком значении, как «воплощающий в себе характерные, наиболее существенные особенности какого-либо типа явлений, ярко выраженный, явный, наиболее часто встречающийся, характерный, обычный, естественный для какого-либо множества; наиболее ярко и характерно представляющий собой некий общий класс явлений» [2. – С. 23].

Следуя этой логике, можно прийти к такому же выводу, что и В. П. Васильев, согласно мнению которого, типичные правовые явления представляют собой феномены правовой реальности, обладающие наиболее характерными, устойчивыми и существенными свойствами в ряду прочих явлений. С этой точки зрения не встречает возражений утверждение правоведа, состоящее в том, что нетипичные правовые явления имеют некоторые общие свойства с классом базовых, типичных, но либо не обладают при этом наиболее характерными, устойчивыми и существенными свойствами по сравнению с типичными феноменами правовой реальности, либо в ходе развития приобрели нехарактерное для них свойство [2. – С. 23]. Приобретение явлением такого свойства (свойств) может быть как фактическим, т. е. вследствие его (их) практической генерации в процессе развития явления, так и мыслимым – т. е. представляющим собой выявление ранее существовавшего, но до определенного момента необнаруженного нехарактерного для него свойства (свойств) в результате применения более совершенного познавательного инструментария, более глубокого и всестороннего исследования рассматриваемого явления (или процесса). Соответственно, нетипичность правовых явлений –

¹ О юридических концептах «действительность» и «реальность» подробнее см.: [5. – С. 11; 4. – С. 641–654; 9. – С. 640–643].

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – С. 1323.

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : АСТ, 2003. – С. 1357.

свойство совокупности одновидовых явлений правовой реальности во множестве однородных, возникшее в результате появления, наряду с типичными свойствами, нехарактерной для них черты, исчезновения у типичных явлений их наиболее характерного свойства, замены последнего нетипичным, при непременном условии сохранения общих сходств родового феноменологического множества. Нетипичными правовыми явлениями могут считаться феномены, т. е. стablyно существующие явления, процессы и отношения, которые имеют общие формальные и содержательные свойства со множеством типичных вещей, процессов и отношений, но не совпадают с ними по другим – как формальным, так и содержательным – свойствам. В. П. Васильев рекомендует называть нетипичными те множественные или единичные юридические явления, которые имеют одно или несколько общих сущностных и формальных свойств с типичными, но при этом обладают также сущностными и формальными свойствами, не присущими последним [2. – С. 23]¹.

Преломляя вышеизложенные характеристики нетипичных правовых явлений и их свойств на циклические нормативные массивы в праве, можно сформировать аргументы подтверждающие выводы исследователей о нетипичности последних. Нетипичность обнаруживается в субстанциональных, процессуальных и функциональных свойствах рассматриваемых массивов, которые были охарактеризованы выше.

Признавая нетипичный характер рассматриваемого явления, считаем важным поставить и рассмотреть вопрос о значении свойства нетипичности для определения понятия циклических нормативных массивов в праве. Суть этого вопроса состоит в том, является ли нетипичность этих массивов основным, существенным свойством, которое обязательно должно быть отражено в понятии, охватывающем исследуемый правовой феномен, или оно является второстепенным и поэтому может быть проигнорировано при определении соответствующего понятия?

¹ Эта позиция близка точке зрения Т. Н. Мирошниченко, согласно которой нетипичное в праве – это «содержащее значительные отклонения от обозначенных принципиальных характеристик какого-либо типа явлений, субъектов, либо не содержащих достаточного набора характерных особенностей таковых в системе связей определенного множества» [19. – С. 29].

В аналогичной постановке может быть сформулирован вопрос о типичности правовых явлений. Например, В. П. Васильев рассматривает ее как *наиболее существенное свойство* множества однотипных правовых явлений, позволяющее однозначно разграничить их со всеми другими однородными, смежными явлениями. На наш взгляд, такое утверждение может быть оспорено, во-первых, по причине неустойчивости, подвижности как самого этого свойства рассматриваемого явления, системы права, правовой реальности в целом, так и системы координат, в которой оно определяется как типичное, и, во-вторых, виду неоднородности и дифференцированности правовой реальности и множеств явлений, которые с течением времени могут перестать быть однотипными. Принимая во внимание данное обстоятельство, Т. П. Демиденко справедливо, на наш взгляд, отметила, что одно и то же правовое явление может быть типичным в одной системе правовых связей (например, для одной отрасли права) и нетипичным для другой [8. – С. 25]. Например, если предположить, что подтвердится прогноз Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора о перспективах влияния интеграционных процессов в современном праве на его систему и структуру, а также формирования в отношении них нового научного консенсуса и обновления системно-правовой теории, то с большой долей уверенности можно утверждать, что в будущем циклические нормативные массивы в праве могут утратить свойство нетипичности и перейти в разряд типичных. В случае реализации другого сценария развития событий они сохранят свое место среди нетипичных нормативных массивов в праве [34. – С. 85–102]. Наконец, в-третьих, точное разграничение типичных и нетипичных правовых явлений представляется проблематичным в связи с тем, что деление явлений и их свойств на типичные и нетипичные является весьма условным, поскольку конструкция идеального типа, от которой зависят результаты такого деления, формируется самим субъектом познания [19. – С. 29].

Условность и относительность как типичности, так и нетипичности правовых явлений ставят под сомнение отнесение нетипичности циклических нормативных массивов в праве к числу их существенных свойств. В то же время в условиях сохраняющегося в юридической науке и практике отраслевого подхода к дифференциации права указание на нетипичный характер циклических нормативных массивов в праве при их доктри-

нальной характеристике считаем целесообразным и уместным. К этому сподвигает и замечание Т. Н. Мирошниченко о том, что нетипичные явления в праве имеют собственное назначение, «которое реализуется через определенные функции, придавая тем самым системе гибкость и динамизм» [19. – С. 29–30]. Функциональные свойства рассматриваемых массивов, охарактеризованные нами ранее, во многом обусловлены свойством нетипичности исследуемого феномена. Данное обстоятельство создает дополнительное основание для отражения этого свойства в теоретической репрезентации циклических нормативных массивов в праве.

На основании вышеизложенного и следуя принятым правилам определения понятий, в том числе юридических [16], можно сформулировать следующую дефиницию. *Циклические нормативные массивы в праве – это совокупность связанных юридических норм, регулирующих*

разнородные общественные отношения, как непосредственно воздействуя на них, так и опосредованно – путем влияния на другие элементы системы права (отрасли, подотрасли, институты права), детерминации их содержания, функционирования и модернизации посредством имплементации в них норм, образующих ядро циклических образований в праве, перенастраивающих позитивное право в соответствии с определенными социально и государственно значимыми целями.

В этой дефиниции изучаемый фрагмент государственно-правовой действительности отражен упрощенно и схематизировано. Выявленные признаки циклических нормативных массивов в праве отражены в ней посредством формирования теоретической абстракции, что позволило избежать излишней громоздкости предложенного определения.

Список литературы

1. Абдиева Д. А. Циклические правовые массивы как нетипичные образования в системе права шестого технологического уклада // Вестник МГПУ. Юридические науки. – 2024. – № 2 (54). – С. 68–77.
2. Васильев В. П. Нетипичные, квази- и псевдоявления юридической реальности: отдельные проблемы и гипотезы их решения // Вестник МГПУ. Юридические науки. – 2021. – № 3 (43). – С. 17–30.
3. Васильев П. В. О разработке основополагающей типологии государственно-правовых явлений // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 2. – С. 108–118.
4. Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex russica. – 2014. – № 6. – С. 641–654.
5. Гаджиев Г. А. Онтология права (Критическое исследование юридического концепта действительности). – М. : Норма : Инфра-М, 2013.
6. Галайдина О. С. Нетипичные формы правления современности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 4. – С. 305–308.
7. Головина А. А. Новации механизмов правореализации в современном электоральном процессе в условиях развития цифровых технологий: тенденции и новые горизонты // Избирательное законодательство и практика. – 2020. – № 4. – С. 3–7.
8. Демиденко Т. П. Нетипичные источники российского трудового права : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2022.
9. Жилина Ю. А. Правовая реальность как философско-правовая категория: понятие и структура // Молодой ученый. – 2015. – № 3 (83). – С. 640–643.
10. Закалюжная Н. В. Нетипичные трудовые отношения: видоизменение классических признаков // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2014. – № 16 (187). – Вып. 29. – 123–129.
11. Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 27–49.
12. Иглин А. В. Нетипичные субъекты международного права // Международное право и процесс. – 2017. – № 1. – С. 5–47.
13. Киселева Е. В., Цыбенко Д. А. Понятие «нетипичные работодатели» и их виды // Юрислингвистика. – 2023. – № 28. – 62–67.
14. Кухнина Л. Ю. Об отличительных чертах гибридных (или нетипичных) источников права в юридической науке // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 168–171.

15. Мажорина М. В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология // *Lex Russica*. – 2022. – Т. 75. – № 5. – С. 117–126.
16. Мелькин А. А. Формирование юридических понятий в российской правовой системе : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
17. Минченков Е. Н. Понятие и сущность нетипичного правотворчества: теоретико-правовой анализ // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 2 (64). – С. 53–64.
18. Мирошниченко Т. Н. Диалектика соотношения типичного, нетипичного и нетрадиционного в праве // Проблемы социалистической законности. – 1985. – № 15. – С. 130-135.
19. Мирошниченко Т. Н. Нетипичные явления в советском праве : дисс. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1985.
20. Николюк В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. – Омск : Изд-во Омской академии МВД РФ, 2024. – С. 68–75.
21. Петров К. В., Сапун В. А., Смирнова М. Г. Нетипичные источники российского права // Российский юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 7–16.
22. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. – М. ; Л. : Изд. 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1947.
23. Рыбаков В. А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 3 (36). – С. 24–29.
24. Сидорова Е. В. Комплексное правовое регулирование. – М. : *Justitia*, 2016.
25. Система права: история, современность, перспектив / под ред. Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2018.
26. Степин В. С. Теоретическое знание. – М. : Прогресс-Традиция, 2003.
27. Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. – Т. 1: Элементный состав. – М. : Юстицинформ, 2001.
28. Тиковенко А. Г. Нетипичные источники права в правовой системе Беларуси // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. – Т. 1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза : сб. науч. тр. – Минск, 2008. – С.44–47.
29. Тулупова Ю. Г. Нетипичные работодатели по трудовому праву Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2014.
30. Турянская Е. С. Признаки нетипичных форм правления // Евразийский Союз Ученых. – 2019. – № 3 (60). – 59–61.
31. Хабриева Т. Я. «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 5–9.
32. Хабриева Т. Я. Законодательство о противодействии коррупции: феномен, эволюция и современные тренды : Доклад на пленарном заседании VIII Евразийского антикоррупционного форума «Право против коррупции: миссия и новые тренды» (Москва, ИЗиСП, 20 марта 2019 г.). – URL: <https://izak.ru/institute/events/viii-evraziyskiy antikorruptionnyy-forum-pravo-protiv korruptsii-missiya-i-novye-trendy/>
33. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18.
34. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.
35. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право и пандемия: уроки кризиса // Вестник РАН. – 2022. – Т. 92. – № 8. – С. 803–808.
36. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Укрепление правопорядка и противодействие коррупции в условиях евразийской интеграции // Общественные науки и современность. – 2017. – № 1. – С. 5–19.
37. Хачиров С. Р. Концептуализация эмпирического знания о циклических нормативных массивах в праве: опыт и перспектива // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 354–367.
38. Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Правопорядок и интерес в контексте развития сравнительного правоведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 3. – С. 5–25.